

Оригинальная статья / Original article
УДК 332.122
DOI: 10.18470/1992-1098-2020-3-144-154

Главные факторы трансформации региональной и этнической идентичности

Татьяна И. Герасименко

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Контактное лицо

Татьяна И. Герасименко, доктор географических наук, профессор, заведующая кафедрой географии и регионоведения, Оренбургский государственный университет; 460018 Россия, г. Оренбург, пр. Победы, 13.
Тел. +79033671089
Email tanyag26@yandex.ru
ORCID <https://orcid.org/0000-0002-5462-0884>

Формат цитирования

Герасименко Т.И. Главные факторы трансформации региональной и этнической идентичности // Юг России: экология, развитие. 2020. Т.15, N 3. С. 144-154.
DOI: 10.18470/1992-1098-2020-3-144-154

Получена 16 ноября 2019 г.
Прошла рецензирование 10 февраля 2020 г.
Принята 20 апреля 2020 г.

Резюме

Цель. Выявить важнейшие факторы трансформации этнокультурного пространства и идентичности населения на примере поликультурного трансграничного региона.

Материалы и методы. Данный вектор исследования дает возможность рассматривать проблему в русле теории Л.Н. Гумилёва об адаптации этносов в ландшафтах, а также применять алгоритм анализа, основанный на исследовании различных форм межэтнических контактов и этнических процессов. Использованы авторские данные полевых экспедиционных исследований, включая социологические опросы населения (более 3-х тысяч человек по обе стороны российско-казахстанской границы), интервью, экспертные оценки, включённое наблюдение, картографирование и др. Проанализированы исторические источники, а также архивные документы и существующие разновременные картографические материалы.

Результаты. Этнокультурные группы взаимодействуют между собой и адаптируются в ландшафтах, в результате чего этнические культуры приобретают общие черты и региональную специфику. Оценены факторы и выявлены особенности межэтнического взаимодействия мигрантов и автохтонного населения и трансформации этнокультурного пространства. На скорость трансформации влияют исторические, геополитические, психологические и экономические факторы. Статья проиллюстрирована конкретными примерами. Рассмотрены географические аспекты трансформации этнокультурной идентичности как основного маркера этнической культуры в трансграничных регионах.

Заключение. Важнейшими факторами трансформации этнокультурного пространства и региональной идентичности являются адаптация в ландшафтах, межкультурное взаимодействие, миграции, изменение этнического состава населения, а также дивергенция этнической культуры по обе стороны границы как следствие делимитации.

Ключевые слова

Факторы трансформации этнокультурного пространства, региональная и этническая идентичность.

Main factors in the transformation of regional and ethnic identity

Tatiana I. Gerasimenko

Orenburg State University, Orenburg, Russia

Principal contact

Tatiana I. Gerasimenko, Doctor of Geographical Sciences, Professor, Head, Department of Geography and Regional Sciences, Orenburg State University; 13 Pobeda Ave., Orenburg, Russia 460018.

Тел. +79033671089

Email tanyag26@yandex.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-5462-0884>

How to cite this article

Gerasimenko T.I. Main factors in the transformation of regional and ethnic identity. *South of Russia: ecology, development*. 2020, vol. 15, no. 3, pp. 144-154. (In Russian) DOI: 10.18470/1992-1098-2020-3-144-154

Received 16 November 2019

Revised 10 February 2020

Accepted 20 April 2020

Abstract

Aim. To identify the most important factors in the transformation of ethno-cultural space and population identity through the example of a multicultural trans-border region.

Materials and Methods. This research vector provides possibilities to consider this issue in line with the well-known ideas of L. N. Gumilyov regarding the adaptation of ethnic groups to landscapes, as well as to apply an analysis algorithm based on the study of various forms of interethnic contacts and ethnic processes. The author's data from field expedition research, including sociological surveys of the population (more than three thousand people on both sides of the Russian-Kazakh border), interviews, expert assessments, including observation, mapping, etc. have been used. Historical sources, as well as archival documents and existing cartographic materials from various times, have been analysed.

Results. Ethno-cultural groups interact with each other and adapt to landscapes, as a result of these processes ethnic cultures acquire common features and regional specificities. These factors have been evaluated and features of inter-ethnic interaction between migrants and the autochthonous population as well as transformation of the ethno-cultural space are revealed. The speed of transformation is influenced by historical, geopolitical, psychological and economic factors. The article is illustrated with specific examples. Geographical aspects of transformation of ethno-cultural identity as the main marker of ethnic culture in trans-border regions have been considered

Conclusion. The most important factors of ethno-cultural space and regional identity transformation are adaptation in landscapes, intercultural interaction, migration, change of ethnic composition of the population and divergence as a consequence of delimitation.

Key Words. Factors in ethno-cultural space transformation, regional and ethnic identity.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение идентичности имеет практическое значение для регулирования межэтнических отношений и миграционной политики, районирования и прогнозирования дальнейшей эволюции этнокультурных групп.

Идентичность (самоопределение) – это сложное многомерное позиционирование индивида или группы индивидов (этнических, религиозных, профессиональных, социальных, гражданских) в окружающей среде, включающее информацию о принадлежности к социуму и к территории, состоящей из ряда содержательных компонентов. Среди них – позиционирование себя как личности, члена семьи, осознание принадлежности к поколению, социальной группе, страте, касте, клану, профессиональному сообществу, этносу, религии, ландшафту, региону, государству, эпохе. Все эти компоненты можно разделить на две категории: «место» и «память». Региональная идентичность тесно связана с образом мира и с чувством укоренённости. Образ мира как важнейшая часть духовной культуры складывается из географических, исторических, религиозных, психологических понятий, смыслов и образов и находится под влиянием целого ряда факторов, в том числе и географической среды. Географический образ мира определяется такими понятиями, как «Отечество», «Родина», «Земля». Она не может быть полной без понятия «граница» и других географических представлений. Осознание своего места в пространстве неразрывно связано со знанием своего места в истории. «Память» – понятие о происхождении, месте в истории и географии региона (по современным представлениям – в топонимике) – основа формирования этнокультурной общности, идентичности. М. П. Крылов [1] определил региональную идентичность как системную совокупность культурных связей, связанных с понятием «малая родина», а также с внутренним образом территории. В данной статье будем говорить о соотношении этнической и региональной идентичности на примере поликультурного региона.

Роль ландшафтов в формировании этнической культуры, внутренних этнических различий и межэтнического сходства признаётся исследователями разных направлений. Полемика касается степени его влияния на эти процессы. Не только этнокультурные группы, характеризующиеся «жесткими» связями с природной средой, приспособляются к ландшафту и изменяют его, формируя сложную систему отношений с природой. Культурные ландшафты имеют этнический подтекст и в других случаях. Он заметен и в поликультурных регионах. В однородном ландшафте неизбежно сближение культур. Ландшафты во многом формировали региональные этнокультурные особенности и черты сходства народов, проживающих в них. Пример – Оренбургско-Казахстанское порубежье, где сложился единый поликультурный комплекс. Конвергенция культур стала географической реальностью несмотря на то, что мигранты расселяются в разных экологических нишах: оседлое и другое русское земледельческое население – в долинах рек, а занимающееся кочевым скотоводством – на водоразделах. [2-4]. То же происходило с автохтонным сибирским населением, которое приспособилось к суровым условиям Сибири. Северные наро-

ды кочевали по тундре и лесотундре, а в годы индустриализации откочёвывали и не участвовали в разработке полезных ископаемых. Поселенцы приспособились к суровым условиям, но сохранили свою специфику.

Необходимость адаптации к ландшафтам и политико-бюрократической государственной системе способствовали сближению этнокультурных групп. В конечном итоге региональные этнические контакты интенсифицируются, что приводит к формированию устойчивых пространственных связей. Усиливаются ассимиляционные процессы и сближение культур. В то же время наличие региональной идентичности и региональной культуры не предполагает обязательного слияния этнических групп, напротив, они сохраняют различия и этническую идентичность. Переселенцы остаются в орбите своей культуры, но приобретают региональные и местные особенности. Трансформируются и культура коренных народов. В итоге формируются региональные культуры. Идентичность имеет несколько иерархических уровней позиционирования: от глобального до локального.

Наличие региональной идентичности в России некоторыми авторами ставится под сомнение, но принять это невозможно. Идея аспатиальности российского пространства не отражает действительность. В России сформирована региональная идентичность, но её не принято выражать так, как во многих зарубежных странах, где укоренённость сопутствует патриотизму, любви к родной земле и гордости за неё и региональные бренды, как в некоторых странах, где жители каждого города и даже фермы гордятся своей принадлежностью к этнокультурной группе, региону, селению. В России люди часто стыдятся своего провинциального, особенно деревенского происхождения и стараются не демонстрировать свою идентичность. Нежелание демонстрировать идентичность не означает ее отсутствия, а связано с нарастающей поляризацией российского пространства по линии центр-периферия (на разных уровнях) и расслоением российского общества, приводящем к ксенофобии и снобизму, которые, к сожалению, являются реалиями российской жизни. Региональная идентичность – это отражение территориальной структуры географического пространства, и как положительный или отрицательный образ территории она обусловлена экономико-географическим положением – столичным, периферийным, маргинальным, глубинным, окраинным [5; 6].

Региональная идентичность сформирована там, где этому способствовала территориальная организация общества – например, единый этнокультурный территориальный комплекс, как в Оренбургско-Казахстанском трансграничном регионе. Регион формировался в маргинальной (контактной) зоне, на стыке культур (кочевых и оседлых; исламских и христианских), ландшафтов (лесостепных, степных и полупустынных, прибрежных и водораздельных; равнинных и низменных) в течение длительного периода времени в результате колонизации территории [7].

Формирование региональной культуры и региональной идентичности в многонациональном регионе связано с комплиментарностью – бессознательной тя-

гой определенного рода людей друг к другу. Комплиментарность – (от французского «комплимент» – похвала, лестные высказывания) по Л. Н. Гумилеву – подознательное чувство взаимной симпатии или антипатии индивидов либо групп людей, определяющее разделение на «своих» и «чужих» [8]. Это понятие необходимо отличать от понятия «комплементарность» (от лат. complementum – средство пополнения), используемого, например, в биологии.

К.П. Иванов, последователь Гумилёва, утверждал, что ландшафт воздействует на этнос принудительно, а изменение ландшафта приводит к изменению моделей поведения и появлению новых субэтносов или этнокультурных групп [9]. Особенно это касается этносов, отличающихся «жесткими» связями с природной средой, таких как народы Севера. Корректнее всё же говорить не о детерминизме, а о взаимовлиянии этносов и природной среды, к которой они приспосабливаются. Это влияние особенно заметно в сельской местности, но и городские районы подвержены влиянию ландшафтов.

Образ жизни населения связан с ландшафтом, который в значительной степени формирует стереотип поведения. Природные условия и природные материалы оказывают влияние на архитектурно-планировочные традиции, градостроительные особенности, предметы быта, рационы питания, одежду, моду, орудия труда, землепользование, специализацию хозяйств, сезонность труда, системы жизнеобеспечения и особенности образования, менталитет, мировоззрение, этнонимы, восприятие пространства, национальный характер. Наиболее устойчивы экистические характеристики и бытовые навыки, но со временем происходят заимствования и адаптация к новым условиям и в этой сфере. Границы архитектурных групп определяются не этническими, а природными различиями («тундровая», «лесная», «степная» традиции). В этой схеме знак комплиментарности облегчает либо усложняет адаптацию. Ландшафты во многом определяют или корректируют характеристики и динамику повседневной жизни, экологической, экономической и духовной культуры, представлений о времени и пространстве, жизни и смерти. Региональная культура в результате конвергенции и адаптации быстро формируется под влиянием однообразных ландшафтов, которые «стабилизируют проживающие в ней этносы». Гетерогенные ландшафты способствуют изменениям, ведущим к появлению новых этнокультурных общностей. Кроме того, по-видимому, есть все основания полагать, что «отношения» между этносами и ландшафтами, по аналогии с отношениями между этническими группами, регулируются комплиментарностью.

Культурные ландшафты (как креативные, заново созданные, так и сформированные в результате воздействия человека на природную среду) различаются в зависимости от природных особенностей даже в пределах одной этнической группы. В то же время они имеют этническую окраску в пределах зоны даже при схожих условиях окружающей среды.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Л.Н. Гумилев обосновал это направление исследований, важное в этнологии, географичное по своей сути,

актуальное до настоящего времени. Развитие этнокультурного пространства Оренбургско-Казахстанского трансграничья можно считать яркой иллюстрацией его идей [8; 10]. Оно формировалось на протяжении длительного периода времени в степной и лесостепной зонах в результате контактов колонистов и коренных этносов. Этот процесс происходил за пределами мест формирования и проживания основной части этносов. Это главная причина того, что в регионе наряду с этнической ярко выражена региональная идентичность. В основе её формирования лежат сходные ландшафты и особенности межэтнического взаимодействия, основанного на положительной комплиментарности. Варианты и специфику взаимодействия этносов, толерантность среды формирующейся региональной культуры и территориальную структуры региональной общности предопределяет знак комплиментарности (плюс или минус). В результате этнических контактов и взаимодействия культур даже при простом сосуществовании этносов неизбежно сближение этнических культур. В результате межэтнического взаимовлияния и взаимодействия с ландшафтом формируется региональная динамичная этноландшафтная система, лежащая в основе этнокультурного территориального комплекса. Новое качество населения ведет к трансформации идентичности.

Необходимость адаптации к ландшафту и административно-бюрократической государственной системе также способствует сближению этнокультурных групп. В конечном итоге региональные этнические контакты интенсифицируются, что приводит к формированию устойчивых пространственных связей. Усиливаются ассимиляционные процессы. Наличие региональной идентичности и региональной культуры не предполагает слияния этнических групп, напротив, они сохраняют различия и этническую идентичность. Поселенцы остаются в орбите своей культуры, но приобретают региональные и местные особенности. Трансформируется и культура автохтонных народов. В итоге формируется региональная культура и региональная идентичность.

Для исследования этого феномена использовались полевые методы: экспедиционный, включённого наблюдения, социологические опросы, анкетирование, интервью и др. Исследования проводились в течение ряда лет по обе стороны российско-казахстанской границы.

Межэтническое взаимодействие во все времена сопровождалось адаптацией в этногенезе и проходило по схеме «этнос – ландшафт» или «этнос-этнос-ландшафт». Этносы вне ландшафта и без адаптации в нем не формируются, поэтому схема взаимодействия по типу этнос-этнос возможна лишь в случае, если речь не идет о конкретной территории. Необходимо, в частности, внести коррективы в связи с развитием современных средств коммуникации и глобализацией, приводящей к внепространственным процессам и взаимодействиям, проявляющимся главным образом в распространении технических достижений современной цивилизации, моды, поп-культуры и т. д. Жилища берберов в пустыне Сахара, сохранившие традиционную форму (как то пещеры в Матмате, либо глинобитные домики без окон в Загуане, наиболее приспособленные к знойному климату), при этом жители оснащены ком-

пьютерами, телевизорами, сотовыми телефонами и другими маркерами западной цивилизации, не говоря уже об автомобилях [11].

В этой схеме знак комплиментарности облегчает или усложняет адаптацию. Ландшафты во многом определяют или корректируют характеристики и динамику повседневной жизни, экологической, экономической и духовной культуры, представлений о времени и пространстве, жизни и смерти. Играет роль степень разнообразия ландшафтов: однообразные способствуют стабилизации и конвергенции культур, гетерогенные способствуют изменениям, ведущим к появлению новых этнокультурных образований. По-видимому, есть все основания полагать, что «отношения» между этносами и ландшафтами, по аналогии с отношениями между этническими группами, регулируются комплиментарностью. Если этнос и новый ландшафт несовместимы, либо этнос трансформируется и ассимилируется (и перестает существовать), либо он покидает территорию. Бывают случаи физической гибели переселенцев (показателен пример переселённых в Западный Казахстан евреев). Попытки переселения кавказских горцев в советский период на равнину провалились, поскольку они не смогли приспособиться к новому ландшафту, так же как и жители тундры не смогли обосноваться в городских и лесных районах. Но оренбургские и казахстанские степные и лесостепные ландшафты были приемлемы не только для южнорусских и украинских «степных» колонистов, но и для выходцев из лесной зоны. В степи, зоне кочевых культур, они были вынуждены приспосабливаться не только к другому ландшафту, но и оставаться толерантными к особенностям разных культур. Например, мигрантам из лесной зоны приходилось осваивать новые методы строительства и новые строительные материалы. Первоначально они сплавляли бревна по рекам, но постепенно перешли на саманные постройки, распространившиеся среди местных жителей, а позже – на кирпичные.

«Комплиментарные» отношения многих этносов со степью не случайны. Степь была заселена раньше, чем лесная зона, что подтверждается современными археологическими находками. Степь обеспечивала древних людей всем необходимым для жизни. Лёссы были пригодны для строительства пещер, овраги защищали от внешних опасностей, биологические ресурсы обеспечивали продовольствием (люди практиковали собирательство и охоту). Лесные районы были так же загадочны, непонятны и трудны для жизни степняков, как степь для лесных жителей (народов).

Степь во многом сформировала региональные этнокультурные особенности и сходные черты народов, проживающих здесь. Конвергенция – это географическая реальность, несмотря на то, что мигранты расселяются в разных экологических нишах: оседлое и другое русское земледельческое население – в долинах рек, а башкиры, казахи, занимающиеся кочевым скотоводством, – на водоразделах. Не случайно вдоль Урала среди деревень с типичными русскими топонимами неожиданно (на первый взгляд) встречаются казахские и башкирские [12].

К. П. Иванов утверждал, что ландшафт воздействует на этнос принудительно, а изменение ландшафта приводит к изменению моделей поведения и появле-

нию новых субэтносов или этнических групп [9]. Особенно это касается этносов, отличающихся «жесткими» связями с природной средой, таких как этносы Русского Севера, описанные, например, А. И. Чистобаевым [13]. Корректнее говорить не о детерминизме, а о взаимовлиянии этносов и природной среды, к которой они адаптируются. Это особенно заметно в сельской местности, но иногда прослеживается и в городах.

Образ жизни населения во многом предопределён ландшафтом. Природные условия и природные материалы оказывают влияние на архитектурно-планировочные традиции, градостроительные особенности, предметы быта, рацион питания, одежду, моду, орудия и сезонность труда, землепользование, специализацию хозяйств, системы жизнеобеспечения, менталитет, мировоззрение, этнонимы, восприятие пространства, национальный характер. Из артефактов наиболее устойчивы экзистенциальные характеристики и бытовые навыки, но со временем и в этой сфере происходят заимствования и адаптация к новым условиям [14].

Культурные ландшафты различаются в зависимости от природной зоны даже в пределах одной этнической группы. В то же время они имеют этническую окраску при схожих условиях окружающей среды и одинаковых природных материалах. На Южном Урале татарские, башкирские, русские, немецкие и другие поселения имеют значительные различия в планировке улиц и усадеб, строительстве, озеленении. Планировка поселений татар издавна отличалась узкими извилистыми улочками с неожиданными поворотами, акуратностью и гнездовой застройкой, что объясняло семейный обычай селиться именно там. Более поздние поселения характеризуются правильной планировкой улиц, но в некоторых местах сохраняются старые традиции. Русские и мордовские деревни изначально отличались более правильной планировкой. Чувашские язычники селились в лесистых районах, что позволяло иметь собственные святилища. Селения оседлых казахов были небольшими, создавались вблизи пастбищ, что отражало любовь к пространству и кочевую скотоводческую специализацию отдельных хозяйств: большие редкие постройки, хозяйственные дворы со стогами сена. До сих пор в некоторых казахских селах нет четких улиц и порядка. Украинские села, напротив, окружены фруктовыми садами и огородами. Сёла немцев-меннонитов строились по определенному плану, с домами, стоящими строго по линии в 25-метрах от дороги, палисадниками с цветниками и деревьями, защищающими дом от пыльных бурь. У башкирских деревень, построенных рядом с ними, появились улицы (влияние немцев-меннонитов), но нет четкого порядка и зелени.

Контакты культур изначально были нерегулярными (войны). В определенные периоды исчезали с территории целые народы, но они оказывали влияние на современную культуру этносов и оставляли культурный след в облике территории и топонимии. Постепенно ситуация стабилизировалась. Этнические общности сформировали мировоззрение, основанное на отношениях к соседним народам как к равным. Позитивная комплиментарность стала основой формирования двунациональных поселений в регионе. Для них

характерны нейтральные этнические контакты с сохранением идентичности («ксения» по Л. Н. Гумилеву) или взаимовыгодные «симбиозы» [8]. Примером «ксении» можно считать отношения между башкирами и русскими, а «симбиоза» – между башкирами и немцами-меннонитами [15].

Со временем региональные этнические контакты, в том числе межпоселенные, интенсифицируются. Это приводит к образованию устойчивых пространственных связей. Усиливаются ассимилятивные процессы и метисация, следствия межэтнических браков. В ряде случаев происходит слияние этнокультурных групп, но это скорее исключение, чем правило. Наличие региональной идентичности и региональной культуры отнюдь не предполагает слияния этносов, напротив, они сохраняют различия и этническую идентичность. Переселенцы остаются в орбите своей культуры, но приобретают региональную и локальную специфику под влиянием местных культур и ландшафтов. Трансформируется и культура автохтонных народов. В конечном итоге формируются региональные культуры. Идентичность имеет несколько иерархических уровней позиционирования: глобальный, цивилизационный, страновой, региональный, локальный.

Для региона была характерна аккультурация (по Тойнби), в то же время неизбежными стали заимствования. Нередко новая культура, привнесенная мигрантами, трансформировала местные условия и окружающую среду, становясь источником инноваций для местного населения, распространяясь путем диффузии в результате межкультурных отношений от ядер – генераторов инноваций «радиально-волновой диффузии». Примером может служить экономическая культура немцев-меннонитов. Распространение инноваций происходит медленно и касается в первую очередь потребления, позже меняются и другие сферы.

Единство макрорегиона было обусловлено рядом факторов, и прежде всего единством природной основы – лесостепных, степных и полупустынных ландшафтов в пределах Русской равнины и Уральской складчатой страны.

Регион характеризуется единством этнокультурной, политической и экономической истории, географического положения (последнее менялось от транзитного и глубинного до трансграничного), сходством хозяйственно-культурных типов и, как следствие, – культурных ландшафтов. Региональная культура, сложившаяся на основе мозаики этнических культур с доминирующей ролью русской культуры, ценностей, образа жизни, менталитетов, социофакторов и артефактов, имеет много общего и позволяет рассматривать регион как единое целое. Это же подтверждают исследования идентичности. Влияние русских как крупнейшего этноса было самым существенным. Это выражалось в принятии другими этносами экономической культуры, русского языка, традиций, образа жизни. Русский этнос, в свою очередь, подвергся влиянию других культур. Оренбургское казачество, имевшее к концу XIX века межэтнический характер, фактически представляло собой комплекс общих для всех групп заимствований. Взаимодействию способствовали межнациональные браки.

Взаимодействие ислама и православия как мировых религий, сильно трансформированных и ослож-

нённых элементами синкретизма, а также влиянием на протяжении длительного периода атеизма, усиленного «вливанием» поколения комсомольцев-целинников, привело к специфике конфессионального пространства, являющегося и буфером, и окном из России в азиатский мир. При этом сохраняются внутриэтнические и культурные различия. Даже внутри одной и той же этнической группы различия значительны. Например, русские включают очень разные этнокультурные группы внутри региона. Среди них выделяются потомки казаков, потомки старообрядцев, потомки крепостных крестьян и переселенцев в ходе освоения целинных земель и индустриализации.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Нынешнее Оренбуржье на протяжении всей истории было ядром Оренбургской губернии. Чётко прослеживаются историко-географические этапы в развитии региона, ставшего трансграничным после делимитации после распада СССР [16]. Каждый этап развития характеризуется преобладанием определенной модели колонизации. Идея моделей заимствована у А.Е. Левинтова [17] и расширена нами. Модели отличаются спецификой взаимодействия мигрантов (колонистов) и автохтонных этносов, природопользованием, адаптацией в ландшафтах.

I. Ранний этап (до IX-X вв.). Временные рамки ограничены появлением башкир на этой территории – старейшего из проживающих в регионе этносов. В этот период этнокультурные группы сменяли друг друга в результате миграции с востока на запад. Территория претерпела несколько волн расселения, начиная от первобытных собирателей, рыбаков и охотников, представителей древней ямной культуры, которые находили в степи все жизненно необходимое – от жилья до пищи. Культурный след оседлых народов, живших здесь до прихода кочевников, сохранился в ландшафте в виде захоронений, археологических остатков древних поселений, а также в топонимике.

II. Номадный этап (IX-X вв. – 30-е годы XVIII в.) характеризовался преобладанием в регионе кочевых народов. «Номадная» модель развития сопровождается полным или частичным замещением оседлых культур в результате поглощения, ассимиляции, разрушения и изгнания. Аутентичная культура маргинализируется и одновременно обогащает культуру кочевников-интервентов. Потомки полукочевых народов (башкиры и казахи) проживают в регионе до настоящего времени.

Казаки начали селиться в долинах рек уже в конце этого периода. Эту модель развития можно рассматривать как «военно-политическую» («геополитическую») и одновременно «экономическую». Конец периода связан с началом колонизации региона оседлым населением. Географически он характеризуется сменой вектора миграции (основная масса колонистов прибывает с Запада).

III. Этап массовой колонизации региона (30-е годы XVIII века – начало Первой мировой войны) имел несколько волн и привел к формированию основ современной этнокультурной географии региона. Доминирует «колониальная» модель развития. Потоки мигрантов представлены переселенцами, вытесненными, изгнанными или заселяющими районы колонизации в

силу целенаправленной политики властей. Колонизация носит как добровольный, так и принудительный характер; она сопровождается импортом культуры и воспроизводством метрополитентского образа жизни среди автохтонных народов, что ведет к расширению метрополии. Одновременно происходят заимствования колонистами элементов местной культуры. Эта модель характерна для многих империй.

Этот этап характеризуется распространением «очагово-хозяйственной» модели развития. Географически наблюдается наличие центров - «ядер» - генераторов «радиальной зонно-волновой диффузии» (по Б. Родоману [18]). От «ядер» нововведения распространялись и на другие народы. Даже небольшое количество пришельцев, обладающих более высокими технологиями, могут привнести свои обычаи в местное население. Примером может служить экономическая и экологическая культура немцев-меннонитов, поселившихся в этом регионе в конце XIX века. Их система сельскохозяйственного производства была относительно высоко развитой и быстро распространялась среди проживающих поблизости башкир, мордвы, русских и других этнокультурных групп [15]. Межэтнические отношения складывались на основе положительной комплиментарности по отношению к другим народам и характеризовались нейтральными контактами при сохранении самобытности («ксения») или взаимовыгодными («симбиоз»). Одним из маркеров комплиментарности можно считать широко распространённые в регионе межэтнические браки.

«Духовная» модель развития связана с мессианством, с политикой изоляционизма отдельных этнокультурных групп, иногда обусловленной их преследованием. Эта модель часто (но не всегда) носит религиозный характер. В сельской местности в настоящее время можно встретить местную этнорелигиозную общину с русским старообрядческим населением. До недавнего времени проживали немцы (меннониты, баптисты и др.). Однако постепенно элементы современной культуры проникали и в эти поселения, в результате этнокультурные общности трансформировались.

IV. Советский этап (большая часть XX века) неоднороден, он характеризуется усилением взаимодействия между этнокультурными группами. Этот этап можно разделить на несколько периодов (предвоенный, связанный с началом индустриализации; годы Второй мировой войны; период освоения целинных земель; период индустриального развития). Доминируют «колониальная», «очагово-хозяйственная» и «духовная» (не связанная с религией) модели развития. Завершилось формирование единого экономического, социального, культурного пространства.

V. Современный этап, начавшийся в конце 80-х - начале 90-х годов XX века, характеризуется новой волной миграций, приводящей к изменениям в этнокультурной среде региона, а также делимитацией территории двух соседних государств. Появление государственной границы стало важнейшим фактором развития геопространства, привело к ослаблению традиционных связей между Россией и Казахстаном. Государственная граница стала главным фактором трансформации этнокультурной среды, нарушила единое пространство, привела к доминированию процессов дивергенции.

Миграции продолжают играть важную роль, но мигранты не являются главными носителями культурных и экономических инноваций, как это было раньше.

После распада СССР трудно было представить, что единое пространство трансформируется так быстро [19; 20]. Изменения происходят не только в прибалтийских республиках, граница с которыми приобрела высокую степень барьерности, но и в тех странах, с которыми у России сохраняются более тесные связи.

Превращение российско-казахстанской границы из чисто символической в реальную существенно повлияло на развитие соседних регионов и привело к дивергенции географического пространства. Рост барьерности границы привел к экономической дезинтеграции и затруднению трансграничных контактов населения. Наиболее значимыми и далеко идущими последствиями стало осложнение взаимодействия между людьми. Этнокультурные группы, живущие по разные стороны границы, разделены, традиционные связи разорваны. В этих условиях сформировалось новое поколение казахов и русских. Этнокультурное пространство еще не подверглось полной дивергенции благодаря старшему и среднему поколениям, однако для молодежи этот процесс стал необратимым. Окончательное расхождение появится в ближайшее время.

Еще один важный фактор и результат - изменение этнического состава населения. Произошла массовая эмиграция немцев и евреев из Оренбургской области, а также иммиграция русскоязычного населения (русских, татар, русскоязычных казахов) в Россию из Казахстана и других бывших союзных республик. Иммигрировали в область также армяне, узбеки и др. Новые для территории России этнокультурные группы меняют существующую систему. Часть из них расселилась компактно. Образовались новые этнические ареалы [21-23].

В крупных городах и в некоторых сельских районах стала реальностью сегментизация экономики по этническому принципу (или этническое разделение труда). Например, армяне, приехавшие в Россию, владеют предприятиями сферы услуг, корейцы занимаются сельским хозяйством, таджики и узбеки работают в строительстве. Привнесение другой культуры часто создает стрессовую ситуацию для местного населения и меняет культурный ландшафт и ритм жизни. Так, безлюдные немецкие районы Оренбургской области заселяются башкирами и переселенцами из городов Средней Азии и Казахстана, плохо приспособленными к сельским условиям. Сёла потеряли свой безупречный внешний вид и идеальную планировку. Напротив, этнокультурная среда в Казахстане становится все более однородной.

После распада СССР происходит казахизация и дерусификация казахстанского общества. В настоящее время казахское население является самой многочисленной этнической группой во всех административных районах республики, а русские стали национальным меньшинством наряду с другими этнокультурными группами. Контроль над всеми территориями находится в руках национальной элиты. Подавляющее большинство руководителей всех уровней - этнические казахи.

Система образования в Казахстане и России различается все больше и больше. В казахстанских школах растёт число казахоязычных классов, в то время как

количество русскоязычных сокращается, а в некоторых районах их уже нет. Реформа административно-территориального деления Казахстана привела к изменению этнического состава населения. Казахи доминируют практически во всех территориальных единицах разного уровня.

Миграционная политика также способствует казахизации. Миграция казахов в северные районы поощряется и стимулируется правительством. На севере в ряде регионов традиционно преобладали русские, в последнее время ситуация изменилась. Стимулируется также иммиграция оралманов (репатриантов-казахов из других стран). За годы независимости, по разным оценкам, переселилось от полутора до двух миллионов человек. Пронаталистическая демографическая политика в первую очередь касалась казахов. Немногочисленное неказахское население частично ассимилировалось, но большая часть людей мигрировала (в основном по экономическим причинам) в казахские города или в Россию. В 1990-е годы произошла массовая эмиграция русскоязычных граждан, в том числе русскоязычных казахов. Некоторые регионы мира имели схожие проблемы [24-27].

Граница разделяет и изменяет также информационное пространство, что влияет на языковой состав населения. Разделённые этнические группы подвержены языковой дивергенции, что во многом предопределяет смену идентичности. Российские казахи русскоязычны, значительная их часть не знает казахского языка несмотря на то, что у них есть родственники в Казахстане. Для казахстанских казахов казахский язык является родным. Русскоязычные казахи массово эмигрировали из Казахстана в 1990-е годы. Русский язык в Казахстане еще не полностью вышел из употребления (в основном благодаря старшему поколению), он сохраняется в крупных городах и мультикультурных промышленных центрах, а также с приграничных районов. Значительно хуже знание русского языка в сельской местности, расположенной далеко от границы, особенно среди молодёжи. Эти процессы ведут к изменению региональной идентичности населения. Браки между казахами из Казахстана и казахами из России стали редкостью. Казахи, мигрировавшие из России в Казахстан, вынуждены изучать казахский язык и адаптироваться к иной социокультурной среде.

Ранее воздействие ландшафтных факторов сглаживалось тоталитарно-административными методами хозяйствования. Теперь они выявляют все больше и больше различий. Орография, климат, гидрологический режим, ландшафты влияют на систему расселения и экистические особенности, которые определяют выбор места поселения, ассортимент строительных материалов, планировку, характер застройки. В Казахстане появились дисперсные поселения, отражающие происходящие экономические изменения (развитие земледелия, отгонно-пастбищного скотоводства). В некотором смысле это возвращение к их прежнему образу жизни.

Происходит дезинтеграция и экономическая дивергенция. Всё больше различаются законодательные и налоговые системы. Это создает трудности для регистрации иностранных и совместных компаний. Различаются цены на одни и те же товары и услуги. Тем не

менее, хотя прежнее единое правовое пространство разорвано, в Оренбуржье действуют более ста компаний с участием казахстанского капитала.

Современные реалии требуют поиска новых путей развития. Следует использовать близость границ и традиционные контакты с Казахстаном. Рост экономической глобализации и интеграции, геополитические приоритеты, создание Таможенного союза, крупные международные инфраструктурные проекты, геополитическая направленность внешней торговли России и Казахстана повышают значимость трансграничного положения обеих стран.

Дальнейшие сценарии развития единого прежде региона будут зависеть от межгосударственной политики соседних государств. Усиление барьерной функции российско-казахстанской границы, произошедшее после распада Советского Союза, уже привело к затруднению для населения трансграничных контактов и запуску процессов этнического разделения и может в конечном итоге привести к этнической трансформации одних и тех же этнокультурных групп по обе стороны границы - не только дивергенции, но и сепарации.

Идентичность также подвергается дивергенции. Социально-экономические и региональные культурные различия зачастую гораздо сильнее, чем этнические, языковые и религиозные. Этому способствовало формирование общества в СССР, когда этнокультурные грани нивелировались, но на самом деле причины имеют более глубокие корни. Россия долгое время развивалась как многонациональная общность, что необходимо учитывать при проведении региональной социальной, этнокультурной и социально-экономической политики. Различные уровни власти должны учитывать этнокультурную специфику приграничных территорий и проводить политику, направленную на интеграцию и сохранение связей, что будет способствовать поддержанию стабильности приграничных регионов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, основными факторами трансформации идентичности следует считать межэтническое взаимодействие, которое сопровождается адаптацией в ландшафте и происходит по схеме «этнос – ландшафт» или «этнос-этнос-ландшафт». В результате этих процессов формируется региональная динамичная этноландшафтная система, лежащая в основе этнокультурного территориального комплекса. Новое качество населения ведет к трансформации идентичности.

Необходимость адаптации к ландшафту и политико-бюрократической государственной системе способствует сближению этнокультурных групп. В конечном итоге региональные этнические контакты интенсифицируются, что приводит к формированию устойчивых пространственных связей. Усиливаются ассимилятивные процессы и консолидация. Наличие региональной идентичности и региональной культуры не предполагает слияния этнических групп, напротив, они сохраняют различия и этническую идентичность. Изменение этнического состава населения влияет на региональную идентичность. Некоторому разобщению способствует этническое разделение труда и сегментизация экономики по этническому признаку.

Дивергенция постсоветского пространства после распада СССР происходит быстрыми темпами. Граница стала серьезным препятствием для передвижения товаров и людей. Наиболее значимыми и далеко идущими последствиями стали проблемы взаимодействия между населением по разные стороны границы, барьерность которой усиливается. Это ведёт к дезинтеграции и дивергенции. В этих условиях выросло новое поколение казахстанцев и россиян, для которого этот процесс может стать необратимым, если не будет проводиться политика интеграции.

Изучение идентичности имеет практическое значение для регулирования межэтнических отношений и миграционной политики, районирования и прогнозирования дальнейшего хода этнических групп.

БЛАГОДАРНОСТИ

Данное исследование было поддержано из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И.Канта.

ACKNOWLEDGEMENTS

This research was supported by the Russian Academic Excellence Project at Immanuel Kant Baltic Federal University.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. Москва, Новый Хронотоп, 2010, 235 с.
2. Герасименко Т.И. Вмещающий ландшафт и комплиментарность этносов – основа формирования региональной идентичности // Вестник СПбГУ. 2012. Специальный выпуск. С. 31-41.
3. Gerasimenko T.I. Landscape of the ethnic group formation and complementarity of ethnic groups as a foundation of the regional identity formation // Proceedings of IGU Regional Conference «Geography, culture and society for our future Earth», Moscow, 17-21 August 2015. 985 p.
4. Gerasimenko T.I. The most important factors of regional and ethno-cultural identity transformation in the trans-border regions // Proceedings of the 56th Congress of European Association of regional Sciences « Cities and regions: Smart, Sustainable, Inclusive», Vienna, 23-26 August, 2016. P. 341-342.
5. Герасименко Т.И., Родоман Б.Б. Экофильная поляризация культуры в экстремальных природных условиях // Материалы II международной конференции «Развитие регионов в XXI веке», Владикавказ, 6-7 октября, 2017. С. 411-414.
6. Герасименко Т.И., Родоман Б.Б. Трансформация этнокультурного пространства постсоветской России вследствие транснациональных миграций // Сборник материалов XII конгресса этнологов и антропологов, Ижевск, 3-6 июля 2017. 318 с.
7. Герасименко Т.И. Проблемы этнокультурного развития трансграничных регионов. Санкт-Петербург: изд-во ЛГУ, 2005. 235 с.
8. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Москва: «Рольф», 2001. 556 с.
9. Иванов К.П. Проблемы этнической географии. Санкт-Петербург: СПбГУ, 1998. 216 с.
10. Гумилёв Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. Москва: «Прогресс», 1993. 543 с.
11. Герасименко Т.И. Тунисские берберы: взгляд изнутри // География. 2008. N 8. С. 6-14
12. Герасименко Т.И. Этноконтактные зоны в геокультурном пространстве России // Гуманитарный вектор. 2018. N 13 (2). С. 152-161.
13. Чистобаев А.И. Этносы Таймыра, окружающая среда и региональная политика // Биологические ресурсы Таймырского полуострова и прогнозы их использования. Дудинка: Международный центр арктической культуры. 2003. С. 202-210.
14. Герасименко Т.И., Святоха Н.Ю., Филимонова И.Ю. Этногеографический атлас Оренбургской области. Казань: Идель-Пресс, 2017. 80 с.
15. Герасименко Т.И., Нуждина Е.Ю. Немцы-меннониты Оренбургской области: культурный след в истории и географии. Оренбург: «Пресса», 2000. 75 с.
16. Герасименко Т.И. Миграции населения как фактор трансформации этнокультурного пространства // Внеэкономические факторы пространственного развития. Москва: «Эрслан», 2016. С. 101-110.
17. Левинтов А.Е. Модели освоения и использования территории и ресурсов // Трансформация российского пространства: социо-экономические и природно-ресурсные факторы (полимасштабный анализ). Москва: «ИГ РАН», 2018. С. 43-66.
18. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: «Ойкумена», 1999. 255 с.
19. Герасименко Т.И., Семёнов Е.А. Влияние межэтнического взаимодействия на развитие трансграничного региона // Материалы VII Международного симпозиума «Степи Северной Евразии», Оренбург, 26-31 мая, 2015. С. 249-253.
20. Гнято Р., Дружинин А.Г., Стрелецкий В.Н. Геополитические процессы в современном Евразийском пространстве // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2018. N 2. С. 129-130. DOI: 10.7868/S2587556618020115
21. Герасименко Т.И., Родоман Б.Б. Миграции и этническое разделение труда // Материалы международной научно-практической конференции «Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов», Ставрополь, 02-04 октября 2018. С. 11-24.
22. Всесоюзная перепись 1989 года. Национальный состав населения регионов России. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=63/ (дата обращения: 20.05.2019)
23. Информационные материалы окончательных результатов Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm/ (дата обращения: 20.05.2019)
24. Кузнецова Т.И. Изменение населения в соседних регионах России и стран Евросоюза // Балтийский регион. 2018. Т. 10. N 3. С. 41-57.
25. Дружинин А.Г., Донг Ю. «Один пояс – один путь»: возможности для регионов западного порубежья России // Балтийский регион. 2018. Т. 10. N 2. С. 39-55.
26. Манаков А.Г. Оценка изменений этнической мозаичности регионов Европейской России в периоды между переписями населения 1897, 1959 и 2010 гг. // Известия Российской академии наук. Серия географическая.

2019. N 2. C. 117-128. DOI: 10.31857/S2587-556620192117-128

27. Manakov A.G. Spatial Patterns in the Transformation of the Ethnic Structure of the Russian Population Between the 1959 and 2010 Censuses // *Geography and Natural Resources*. 2019. V. 40. N 2. P. 106-114. (In Russian) DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2019-2(13-21)

REFERENCES

1. Krilov M.P. *Regionalnaya identichnost v Evropeyskoy Rossii* [Regional Identity in New Russia]. Moscow, Noviy Khronograph Publ., 2010, 235 p (In Russian)
2. Gerasimenko T.I. Enclosing landscape and complementarity of ethnic groups – the basis for regional identity formation. *Vestnik SPbGU* [Vestnik of Saint Petersburg University]. 2012, special edition, pp. 31-41. (In Russian)
3. Gerasimenko T.I. Landscape of the ethnic group formation and complementarity of ethnic groups as a foundation of the regional identity formation). Proceedings of IGU Regional Conference «Geography, culture and society for our future Earth», Moscow, 17-21 August 2015, 985 p.
4. Gerasimenko T.I. The most important factors of regional and ethno-cultural identity transformation in the trans-border regions. Proceedings of the 56th Congress of European Association of regional Sciences «Cities and regions: Smart, Sustainable, Inclusive», Vienna, 23-26 August, 2016, pp. 341-342.
5. Gerasimenko T.I., Rodoman B.B. Ekofilnaya polarizatsiya kultury v ekstremal'nykh prirodnnykh usloviyakh. [Ecophilic polarization of cultures in extreme natural conditions]. *Materialy II mezhdunarodnoy konferentsii «Razvitie regionov v XXI veke», Vladikavkaz, 6-7 Oktyabrya 2017* [Proceedings of the second international scientific-practical conference «Regional development in the XXI century», Vladikavkaz, 6-7 October, 2017]. Vladikavkaz, 2017, pp. 411-414. (In Russian)
6. Gerasimenko T.I., Rodoman B.B. Transformatsiya etnokul'turnogo prostranstva postsovetsoi Rossii vsledstvie transnatsional'nykh migratsii [Ethno-cultural space transformation of post-Soviet Russia as a result of transnational migrations] *Sbornik materialov XII kongressa etnologov i antropologov, Izhevsk, 3-6 iyulya 2017* [Collection of materials of the XII Congress of Ethnologists and Anthropologists, Izhevsk, July 3-6, 2017]. Izhevsk, 2017, 318 p. (In Russian)
7. Gerasimenko T.I. *Problemy etnokulturnogo razvitiya transgranichnykh regionov* [Problems of trans-border regions ethno-cultural development]. SPb, RTP LGU Publ., 2005. 235 p. (In Russian)
8. Gumilev L.N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Earth's biosphere]. Moscow, «Rolf» Publ., 2001, 556 p. (In Russian)
9. Ivanov K.P. *Problemy etnicheskoi geografii* [Problems of ethnic geography]. SPb, Petersburg State University Publ., 1998, 216 p. (In Russian)
10. Gumilev L.N. *Etnosfera: istoriya lyudei i istoriya prirody* [Ethnosphere: the history of people and the history of nature]. Moskva, «Progress» Publ., 1993, 543 p. (In Russian)
11. Gerasimenko T.I. Tunisian Berber: view from inside. *Geografiya* [Geography]. 2008, no. 8, pp. 6-14. (In Russian)
12. Gerasimenko T.I. Ethno-contact zones in Russian geocultural space. *Gumanitarnyi vektor* [Humanitarian vector]. 2018, no. 13 (2), pp. 152-161. (In Russian)
13. Chistobaev A.I. [Ethnic groups of Taimyr, environment and regional policy]. In: *Biologicheskie resursy Taimyrskogo poluostrova i prognozy ikh ispol'zovaniya* [Biological resources of the Taimyr Peninsula and the prospects for their use]. Dudinka, 2003, pp. 202-210. (In Russian)
14. Gerasimenko T.I., Svyatokha N.Y., Filimonova I.Yu. *Etnogeograficheskii atlas Orenburgskoi oblasti* [Ethnogeographic Atlas of the Orenburg region]. Kazan', «Idel-Press» Publ., 2017, 80 p. (In Russian)
15. Gerasimenko T. I., Nuzhdina E.Yu. *Nemtsy-mennonity Orenburgskoi oblasti: kul'turny sled v istorii i geografii* [Mennonite Germans of the Orenburg region: a cultural footprint in history and geography]. Orenburg, «Pressa» Publ., 2000, 75 p. (In Russian)
16. Gerasimenko T.I. [Population migration as a factor of ethno-cultural space transformation]. In: *Vneekonomicheskie faktory prostranstvennogo razvitiya* [Non-economic factors of spatial development]. Moscow, «Ersan» Publ., 2016, pp. 101-110. (In Russian)
17. Levintov A.E. [Models of development and use of territories and resources]. In: *Transformatsiya rossiiskogo prostranstva: sotsio-ekonomicheskie i prirodno-resursnye faktory (polimasshtabnyi analiz)* [Transformation of Russian space: socio-economic and natural resource factors (multi-scale analysis)]. Moskva, «IG RAN» Publ., 2018, pp. 43-66. (In Russian)
18. Rodoman B.B. *Territorial'nye arealy i seti. Ocherki teoreticheskoi geografii* [Territorial areas and networks. Essays on theoretical geography]. Smolensk, Oikumene Publ., 1999, 255 p. (In Russian)
19. Gerasimenko T.I., Semenov E.A. Vliyanie mezhetnicheskogo vzaimodeistviya na razvitie transgranichnogo regiona [Influence of interethnic interaction on trans-border region development]. *Materialy VII Mezhdunarodnogo simpoziuma «Stepi Severnoi Evrazii», Orenburg, 26-31 maya, 2015* [Proceedings of Interregional Conference «Steppes of Northern Eurasia», Orenburg, 26-31 May, 2015]. Orenburg, 2015, pp. 249-253. (In Russian)
20. Gnyato R., Druzhinin A.G., Streletskii V.N. Geopolitical processes in the contemporary Eurasian Space. *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical series*, 2018, no. 2, pp. 129-130. (In Russian) DOI: 10.7868/S2587556618020115
21. Gerasimenko T.I., Rodoman B.B. Migratsii i etnicheskoe razdelenie truda [Migration and ethnic labor division]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Migratsionnye protsessy: problemy adaptatsii i integratsii migrantov», Stavropol', 02-04 oktyabrya 2018* [Proceedings of Interregional Conference «Migration processes: problems of migrants adaptation and integration», Stavropol', 02-04 October 2018]. Stavropol', 2018, pp. 11-24. (In Russian)
22. *Vsesoyuznaya perepisi' 1989 goda. Natsional'nyi sostav naseleniya regionov Rossii* [All-Union census of 1989. National composition of the population by regions of Russia]. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=63. (accessed 20.05.2019) (In Russian)
23. *Informatsionnye materialy okonchatel'nykh rezul'tatov Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda* [Information materials on the final results of the all-Russian population census 2010. Official website of the all-Russian population

census]. Available at:

http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm. (accessed 20.05.2019) (In Russian)

24. Kuznetsova T.Yu. Population change in the neighbouring regions of Russia and the European Union States. Baltiiskii region [Baltic Region]. 2019, vol. 10, no. 3, pp. 41-57. (In Russian)

25. Druzhinin A.G., Dong Yu. One Belt – One Road initiative: A window of opportunity for Russia's western border regions. Baltiiskii region [Baltic Region]. 2018, vol. 10, no. 2, pp. 39-55. (In Russian)

26. Manakov A.G. Evaluation of Changes in the Ethnic mosaic of Regions of European Russia in Periods between the 1897, 1959 and 2010 Censuses. *Proceedings of the Russian Academy of Sciences, geographical series*, 2019, no. 2, pp. 117-128. (In Russian) DOI: 10.31857/S2587-556620192117-128

27. Manakov A.G. Spatial Patterns in the Transformation of the Ethnic Structure of the Russian Population Between the 1959 and 2010 Censuses. *Geography and Natural Resources*, 2019, vol. 40, no. 2, pp. 106-114. (In Russian) DOI: 10.21782/GIPRO206-1619-2019-2(13-21)

КРИТЕРИИ АВТОРСТВА

Татьяна И. Герасименко написала рукопись и несёт ответственность при обнаружении плагиата, самоплагиата или других неэтических проблем.

AUTHOR CONTRIBUTIONS

Tatiana I. Gerasimenko wrote the manuscript and is responsible for plagiarism and self-plagiarism and other ethical transgressions.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

NO CONFLICT OF INTEREST DECLARATION

The author declare no conflict of interest.

ORCID

Татьяна И. Герасименко / Tatiana I. Gerasimenko <https://orcid.org/0000-0002-5462-0884>